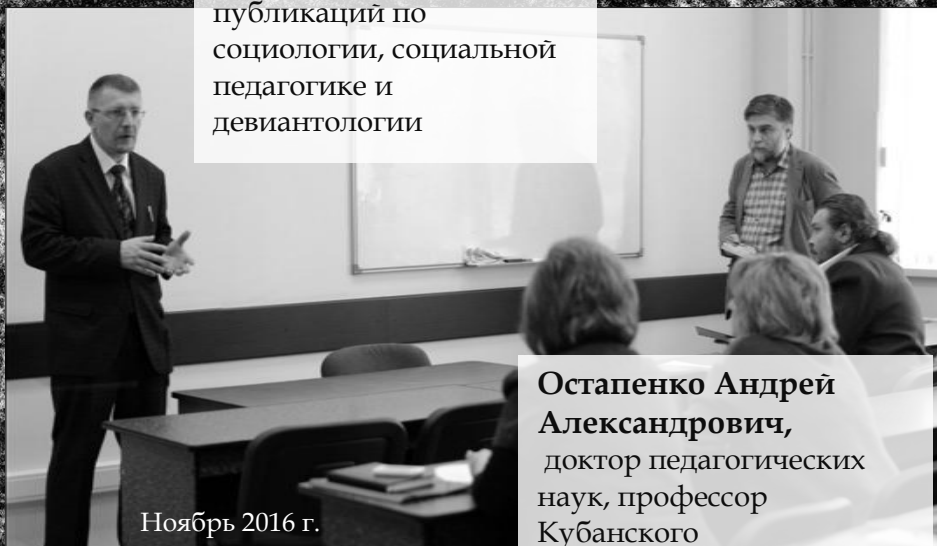

**Хагуров Темыр
Айтчевич,**
доктор социологических
наук, профессор
Кубанского
государственного
университета, ведущий
научный сотрудник
Института социологии
РАН, автор более 150
публикаций по
социологии, социальной
педагогике и
девиантологии

Ноябрь 2016 г.

**Остапенко Андрей
Александрович,**
доктор педагогических
наук, профессор
Кубанского
государственного
университета, Института
развития образования
Краснодарского края,
Екатеринодарской
духовной семинарии и
Высших богословских
курсов Московской
духовной академии, автор
более 690 публикаций по
педагогике, психологии и
антропологии

13

Лекции по системной и
со-Образной педагогике

Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко
**Риски взросления и
угрозы детству**

**ШКОЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко

РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ И УГРОЗЫ ДЕТСТВУ

Москва
НИИ школьных технологий
2017

УДК 371
ББК 74.00
Х – 13

Рецензенты:
В.И. Слободчиков,
доктор психологических наук, член-корреспондент РАО
А.М. Кушнир,
кандидат психологических наук,
главный редактор журнала «Народное образование»

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект РНФ № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтническом регионе: прогнозирование и профилактика».

Х-13 Хагуров Т.А., Остапенко А.А. РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ И УГРОЗЫ ДЕТСТВУ. М.: НИИ школьных технологий, 2017. 36 с. 500 экз. (Лекции по системной и со-Образной педагогике. Выпуск 13).

Тринадцатый выпуск цикла лекций по системной и со-Образной педагогике посвящён социально-педагогическому анализу процесса нормального взросления и факторов, искажающих этот процесс.

Лекция будет интересна в первую очередь специалистам по работе с молодёжью, социальным работникам, специалистам-девиантологам, а также организаторам внеклассной и воспитательной работы.

ISBN 978-5-91447-170-2

© Хагуров Т.А., Остапенко А.А., 2017
© НИИ школьных технологий, 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСЛОВИЯ НОРМАЛЬНОГО ВЗРОСЛЕНИЯ И ИХ НАРУШЕНИЯ

Школьные психологи и классные руководители всё чаще сталкиваются с проблемами нормального взросления подростков. Инфантилизация подростков продолжается уже два-три поколения, первое из которых уже вступило во взрослую жизнь. Проблема отсутствия ответственности принимает угрожающие масштабы. А психологи и классные руководители всё по-прежнему пытаются лечить эти социальные болезни «дедовскими» методами, большинство из которых попросту не работает. Попробуем разобраться в сути этой проблемы.

Человек, развиваясь, проходя ступени онтогенеза, поэтапно приобретает новые качества. Л.С. Выготский их назвал «новообразованиями», и идея их возникновения стала основой его культурно-исторической теории. А.А. Ухтомский назвал их «функциональными органами»¹, из которых по мере взросления выстраивается духовный организм человека. Академик В.П. Зинченко определяет функциональные органы как «новообразования, возникающие в жизни, деятельности индивида в процессе его развития и обучения»². У человека может возникать (при условии его собственных усилий) тот или иной функциональный орган (например, совесть), но это не носит обязательный характер и не означает, что это навсегда.

Переходы со ступени на ступень сопровождаются кризисами, то есть состояниями дискомфорта от ощущения несоответствия своих новых возможностей и старого фактического положения. Говоря о понятии возраста, мы

¹ «С именем «органа» мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществлять определенное достижение» [Ухтомский А.А. Избр. труды. Л.: Наука, 1978. С. 95].

² Зинченко В.П. Воспитание души // Педология. Новый век. 2002. № 10.

вполне соглашаемся с В.П. Зинченко в том, что «духовный возраст не совпадает с биологическим»³ и, соответственно, разделяем его на биологический или физиологический (объективный) и духовный (субъективный). Причём каждый описывается принципиально разными законами (в том числе и времени – объективного и субъективно воспринимаемого). Объективный возраст и объективное взросление во многом независимы от субъективного. В 15(± 3) лет, независимо от того есть у подростка совесть или нет, есть ум (или он безумен), есть воля (или он безволен), будут расти усы и появятся иные вторичные половые признаки. Но вспомним Н.А. Некрасова («Ведёт под уздцы мужичок. <...> Шестой миновал!»), и согласимся, что можно в шесть лет быть «мужичком», а можно в сорок остаться «маменькиным сыночком». И если нормой объективного (телесного) возраста есть среднестатистические показатели (зубы у ребёнка начинают расти в 6 ± 3 месяцев), то норма субъективного возраста – «не то среднее, что есть, а то *лучшее*, что возможно в конкретном возрасте для конкретного ребёнка при соответствующих условиях»⁴.

Всякое нормальное общество иерархично. В идеальном смысле, всякая новая ступень онтогенеза человека должна обозначать переход индивида на новую ступень общественной иерархии. Для этого в нормальных иерархичных обществах существуют механизмы регуляции подобных переходов со ступени на ступень, то есть механизмы взросления. Взросление есть процесс обретения (становления, появления или проявления) функциональных органов души, причем этот процесс отмечается особыми метками (инициациями) взросления. Известно, что нормально развитое, иерархическое общество не знает

³ Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Вопр. психологии. 2000. № 4. С. 80.

⁴ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000. С. 24.

проблемы «непризнанных гениев». Потому что всякое достижение человека общество способно адекватно ощутить, а человек понимает, что, если общество ещё не отметило его «достижения», значит, они не являются таковыми и нужно ещё поработать над собой. Каждый член общества должен уметь давать адекватную оценку себе и своим действиям. Но при этом ни школой, ни обществом «не предлагаются метки возраста, ритуалы перехода на новую ступень. Когда-то эту роль выполняли детские политические организации. С их исчезновением ситуация стала ещё «проще» – вакуум возрастных отношений приводит к появлению внекультурных меток, таких как курение, физическая сила, асоциальное поведение. Отсутствие системы меток взросления и, вообще, знаково-символьной реальности, санкционированной обществом, не упраздняет необходимости их наличия. Можно сказать, что требование от общества наличия символично-знаковой реальности есть объективное требование субъективной реальности⁵ индивида. Если общество не реагирует адекватно на это требование, то, как необходимость, формируется маргинальная, несанкционированная обществом система меток взросления. Это система акультурных меток взросления. Она призвана к тому, чтобы возвещать обществу, лишившему своих членов нормальной иерархии, о том, что его члены, не взирая ни на что, продолжают проходить положенные им стадии онтогенеза. В качестве примера приведем «инициацию», описанную студентом на семинаре, посвящённом этому вопросу. Суть этого псевдопосвящения заключалась в

⁵ В самом широком смысле под «субъективной реальностью» мы понимаем внутренний мир человека, в противовес реальности объективной (в т.ч. и «данной нам в ощущениях»). Термин введен В.И. Слободчиковым: «Субъективная реальность есть наиболее абстрактное обозначение формы существования и общего принципа организации человеческой реальности (как непосредственное само=бытие человека)» [Слободчиков В.И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Автореферат диссерт. ... докт. психол. наук. М., 1994. С. 5].

том, что для того, чтобы быть принятым в молодежную компанию, испытуемый обязан был горячей сигаретой прожечь насквозь денежную купюру, лежащую на тыльной стороне ладони, не подавая вида от претерпеваемой боли. Этот пример – один из самых безобидных. Как правило, система акультурных меток обуславливается только физиологическим возрастом индивида. Тогда как система культурных меток предъявляет кандидату чёткие и довольно жёсткие «требования» соответствия физиологического и духовного возрастов.

Под социальным взрослением мы понимаем процесс накопления подростком социальной ответственности (за себя, за другого, за общество, за Отечество). В норме социальное взросление происходит при наличии значимого взрослого – «родного и/или близкого человека, оказывающего существенное, определяющее влияние на условие развития и образ жизни ребёнка: родителя, опекуна, учителя, наставника»⁶. В норме подросток нормально взрослеет, если между значимым взрослым и подростком «неслиянно и нераздельно» возникает со-бытийная детско-взрослая общность (термин В.И. Слободчикова), характеризующаяся отношениями взаимной любви, заботы и доверия. Со стороны взрослого она характеризуется высоким уровнем ответственности за младшего, со стороны подростка – послушанием старшему. При

⁶ Шувалов А.В. Антропологическая модель психологического здоровья. Калуга: КГПУ, 2006. С. 36

этом, старший, проявляя любовь, заботу, доверие и ответственность, обладает для подростка *авторитетом* – властью старшего, принимаемой подростком добровольно и с радостью, ибо эта власть не может причинить ему вреда. В норме взросление младшего происходит путём постепенной передачи ответственности от старшего к нему. Это взросление сопровождается инициациями (метками взросления) со стороны взрослого, предполагающими признание новых прав младшего, обретшего новый уровень ответственности.

Оптимально, если процесс взросления подростка происходит в семье, в которой есть условно говоря *нормальные* значимые взрослые. Абсолютное большинство сбоев нормального взросления ребёнка происходит либо по причине отсутствия значимого взрослого (детское одиночество, чаще всего при живых родителях), либо по причине «ненормальности» этого значимого взрослого. Нет плохих и/или трудных от природы детей, есть взрослые, которые допустили (намеренно или ненамеренно), чтобы они стали такими. И в своём большинстве социальная коррекция и профилактика требуется не детям. «Лечить» необходимо сбои детско-взрослой со-бытийной общности, в которой чаще всего утрачивается эти самые понятные человеческие отношения *любви, заботы и доверия*.

Прежде, чем разбираться в том, какие виды этих сбоев (антропогеней) чаще всего встречаются, надо понять какие взрослые окружают подростка и какие из них могут быть для него значимыми.

В основу классификации понятия «значимый взрослый», предложенной В.И. Слободчиковым и А.В. Шуваловым, положены «две существенные характеристики конкретного взрослого человека, которые, на наш взгляд, наиболее полно характеризуют его статус в жизненном мире конкретного ребёнка. Это показатели кровного род-

ства – «родной-чужой» и духовной близости – «близкий-чуждый».

Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребёнка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей — устойчивая духовная связь (см. табл. 1).

Значимые взрослые составляют естественное человеческое окружение ребёнка. Мера кровного родства ребёнка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Мы выделяем две наиболее общие тенденции: атрибутом первой являются взаимное понимание, принятие, доверие; вторая переживается как стойкое взаимное несогласие, разобщение и отчуждение. Именно духовная близость ребёнка и взрослого гармонизирует децентрацию и индивидуализацию, обеспечивает нормальное развитие субъектности ребёнка; отчуждение искажает и блокирует его»⁷.

Таблица 1

Духовная связанность	Кровное родство	
	Родной	Чужой
Близкий	родной и близкий	чужой, но близкий
Чуждый	родной, но чуждый	чужой и чуждый

Именно наличие нормального близкого значимого взрослого – естественное условие нормального взросления ребёнка. Но как показывают исследования уровень детского одиночества (отсутствие значимого взрослого, связанного с ребёнком доверием) чрезвычайно высок.

При живых родителях, детям зачастую не к кому прийти за советом. Но даже при наличии значимого взрослого мы сталкиваемся с разными вариантами нару-

⁷ Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 97-98.

шения этой детско-взрослой общности, необходимой для его взросления.

А.В. Шувалов⁸ выделяет две группы этих нарушений. Для начала он определяет понятие нормального значимого взрослого как взрослого, обладающего а) социальной зрелостью (способного вполне нести ответственность за своих детей) и б) педагогическим тактом (способного эту ответственную правильно передавать). Нарушение социальной зрелости и педагогического такта и порождают типологию психологических дисфункций детско-взрослой общности (табл. 2).

Таблица 2

Состояние детско-взрослой общности	Параметры отношения значимого взрослого к ребёнку		Характер позиционного самоопределения значимого взрослого
Норма: функциональная полноценность и состоятельность со-бытия	Воспитательный такт (N)	Личностная зрелость (N)	Норма: ответственная координация со-бытия
Тип дисфункции	Диагностические показатели		Ограничения самоопределения
со-бытийная депривация	гиперобособление	AR/N	позиционный сепаратизм
со-бытийная оккупация	гиперотождествление	AR/N	позиционная экспансия
со-бытийная лабильность	неопределенность	P/AR	ролевой релятивизм
внутренняя/внешняя оппозиция	противопоставление	P/AR	произвол, бытовой экстремизм, сектантство

Примечание. Знак «N» предполагает минимально-достаточный (и более) уровень параметров, характеризующих нормативную динамику со-бытия. Знак «AR» — дефицит собственно внутренней рефлексии (арефлексивность отношения взрослого), знак «P» — патология личности взрослого.

⁸ Шувалов А.В. Служба психологического здоровья детей. М.: ЦРТДиЮ «Лефортово», 2004. С. 115.

Кратко рассмотрим каждую дисфункцию и попытаемся разобраться в путях и возможностях их коррекции. Для этого приведём большую и сложную цитату из уже цитированной работы В.И. Слободчикова и А.В. Шувалова.

«Со-бытийная депривация и позиционный сепаратизм определяются фиксацией взрослого на обособлении и нарушении развития со-бытия со сдвигом в сторону формальной общности. Феноменология: низкая эмоциональная заряженность взрослого ребёнком, отстранение, самодисквалификация, гипопротекция. В пределе – гиперобособление, характеризующееся отчуждением взрослого и беспризорностью, атомизированностью, одиночеством ребёнка, депривированностью и незащищённостью его жизненного мира.

Со-бытийная оккупация и позиционная экспансия определяются фиксацией взрослого на отождествлении и нарушении развития со-бытия со сдвигом в сторону симбиотической общности. Феноменология: гиперпротекция, сдерживание развития, культивирование беспомощности ребёнка, инфантилизация и инвалидизация, подмена актуальности (потенциальности) ребёнка актуальностью (потенциальностью) взрослого. В пределе – гипертотождествление, характеризующееся бесцеремонностью «отношений», оккупированностью жизненного мира ребёнка, блокированием полноценного развития. Гипертотождествление может сопровождаться актами физического и психологического насилия над ребёнком, ещё не носящими тенденциозный характер.

Со-бытийная лабильность и ролевой релятивизм определяются диффузностью детско-взрослой общности в силу противоречивости, непоследовательности, необоснованности поступков взрослого. Амплитуда отклонения может колебаться от ситуативной воспитательной неуверенности и достигать уровня перманентной, глубокой диссоциированности отношений взрослого и ребён-

ка. В результате ребёнок лишен необходимого для душевного благополучия чувства стабильности, предсказуемости, определенности жизни. Характерной особенностью этого типа дисфункции является необходимость маневрировать (выживать) в режиме взаимоисключающих стандартов.

Каждый из трех описанных выше типов в своем крайнем выражении несет угрозу выхода во **внутреннюю или внешнюю оппозицию**. Внутренняя оппозиция есть та или иная форма неприятия и/или попраения взрослым самобытности ребёнка; ситуация, когда взрослый для ребёнка реально представляет физическую или моральную угрозу: агрессия, растление, инцест, подавление, эксплуатация, хроническая травматизация ребёнка... Динамика детско-взрослой общности возможна и на негативных нормах и ценностях, существующих в человеческой культуре. Внешнее противопоставление характеризуется враждебной, экстремистской или сектантской настроенностью взрослого в отношении других людей, норм и правил общежития. Взрослый, в целом поддерживая жизнеспособность ребёнка, культивирует крайние, деструктивные взгляды, вовлекает ребёнка в оппозицию здоровым, полноценным отношениям с человеческим обществом, идеалам истины, добра и красоты»⁹.

Совершенно очевидно, что первые три варианта дисфункций корректируемы и исправимы, ибо в них нет нарушений социальной зрелости взрослых, есть лишь нарушения педагогического такта. Это вменяемые, ответственные взрослые, не отличающиеся педагогической грамотностью. Это взрослые, которые способны нормально воспитывать своих детей, но либо не умеющие этого делать, либо не имеющие возможности это делать.

⁹ Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 102-103.

Первый вариант (со-бытийная депривация и позиционный сепаратизм) характеризуется сознательной или несознательной недостаточной включённостью взрослого в процесс воспитания ребёнка. «Да он уже взрослый!» – говорит о ребёнке такой родитель, взваливая на подростка такое количество собственных проблем и решений, которые тот не в силах решить сам. Взрослый пытается передать своему ребёнку такую ношу ответственности, которую тот не в силах взять. В итоге, он её либо не переносит вовсе, либо в недостаточной степени. Взросление в полной мере не происходит. Помогут тут коррективы и тренинги, которые психологи устраивают с детьми? Нет, конечно. Здесь очевидным образом необходимы коррективы вменяемого взрослого, «подзабросившего» своего ребёнка. И ему об этом надо своевременно напомнить и, если надо, подсказать, что бесполезно нагружать ребёнка непомерным количеством ответственности.

Второй вариант (со-бытийная оккупация и позиционная экспансия) характеризуется избыточной опекой своего ребёнка, причём, как правило, это делается из добрых побуждений. Это неграмотная тактика воспитания «маменьких сыночков» впоследствии неспособных нести ответственность ни за себя, ни за других. Причём эта тактика осуществляется «не со зла», а по безграмотности и бездарности родителя. И, опять таки, эту подростковую инфантильность следует «лечить» не их тренингами и беседами с ними, а педагогическим ликбезом «избыточно» любящих мам и пап, шагу не дающих ступить своим чадам без их сопровождения.

Третий вариант (со-бытийная лабильность и ролевой релятивизм) характерен для семей, где папа требует одно, мама – другое. А если ещё в семье есть бабушка и дедушка со своими притязаниями, то тогда уровень раздорности ребёнка возрастает ещё больше. Такой ребёнок думает (а иногда и говорит): «Дорогие родители, до

тех пор, пока вы не договоритесь между собой, чего вы от меня хотите, я взрослеть и брать на себя ответственность за собственные поступки брать не буду!». Такой одновременно разновекторный характер воспитания можно назвать *синхронным релятивизмом*. Бывает по-другому. Педагогически «продвинутая» мама (а чаще это свойственно мамам), начитавшись новой книги по воспитанию, вдруг начинает понимать, что до вчерашнего дня она неверно воспитывала своего ребёнка. И с завтрашнего дня начинает это делать совершенно иначе, с иными требованиями и установками. Нет гарантии, что ей не попадётся иная книга по воспитанию и через месяц эти требования снова изменятся радикально. Такое «горе от ума» уместно назвать *асинхронным релятивизмом*. И опять-таки, здесь необходимы коррективы родителей.

Совершенно очевидно, что в первых трёх случаях социально-педагогические усилия должны быть направлены на родителей, а не подростков. А это происходит крайне редко.

Совершенно иная ситуацию с четвёртым и пятым вариантами дисфункций отношений в семье. Они вызваны нарушением социальной зрелости взрослого.

Четвёртый вариант (внутренняя оппозиция) чаще всего характерен для семей, где родители не способны в достаточной степени нести ответственность за своих детей. Инфантилизм родителей (а это сегодня массовое явление среди молодёжи) не позволяет ребёнку накапливать ответственности, ибо её не у кого перенять. И коррективы семьи здесь почти бесполезны. Чаще всего здесь возможна компенсационная работа через чужого значимого взрослого. Если ребёнок не может получить совета от инфантильного и безответственного взрослого, ему необходимо помочь обрести такого взрослого не среди родственников.

Пятый вариант (внешняя оппозиция) почти патологичен. Он чаще всего характеризуется нормальными отношениями детьми с родителями, которые противопоставили свою семью всему окружающему миру. Чаще всего это семьи сектантов. Дети из таких семей становятся добровольными изгоями в коллективах. Им внушается родителями их избранность («Ты спасёшься, остальные нет»), в них формируется надменность и замкнутость. И внешние социально-педагогические усилия здесь практически безрезультатны.

Эти пять вариантов семейных дисфункций характерны тем, что в них есть (пусть и неправильный) значимый взрослый и есть шанс (во всяком случае в первых четырёх вариантах) его коррекции.

Не будем забывать о шестом варианте, когда такого взрослого просто нет. **Шестой вариант** (детское одиночество) требует компенсации отсутствия родного значимого взрослого неродным (чужим, но не чуждым) взрослым. «Найти корешка» – формулировал задачу А.С. Макаренко в своей колонии. Поскольку этот вариант становится самым распространённым, а Макаренко для всех не найдёшь, есть простой и эффективный педагогический путь – создание *разноуровневой* (и даже разновозрастной) *педагогической среды*.

Разноуровневость – это необходимое условие для заботы, для даяния, для «доминанты на другого». Это сродни разности электрических потенциалов в физике, необходимой для возникновения электрического тока. Забота – это ток даяния, внимания к другому, который естественным образом возникает в *разноуровневой среде*, где есть нуждающиеся в помощи. Разновозрастная среда изначально внутренне не конкурентна, не отчуждающая, не соревновательна, а соборна, ибо в ней *собраны* воедино разные по возрасту, по уровню и по интересам люди, готовые к взаимной помощи и заботе. В школах и

детских садах, где реализована возможность разновозрастного (или межвозрастного) обучения наблюдается более высокий уровень доверительных отношений. Об этом свидетельствуют исследования Л.В. Байбородовой¹⁰ (Ярославль) и М.М. Батербиева¹¹ (Усть-Илимск). Разновозрастная организация малокомплектных сельских школ, к счастью, медленно перестаёт быть экзотикой. Опыт организации *разновозрастных детских объединений дополнительного образования* (студий, ансамблей, оркестров, клубов) показывает высокую степень организованности, результативности, а главное сердечности отношений между детьми. Опыт разновозрастного и межвозрастного обучения в таких коллективах¹² позволяет резко увеличить темпы освоения навыков (музыкальных, художественных, технических), так как снимаются возрастные искусственно придуманные нормы освоения. В таких коллективах нормой «становится не то среднее, что есть, а лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного человека при соответствующих условиях»¹³.

Особая хорошо отработанная форма организации условий для создания условий нормального взросления – это *выездная школа*, выстроенная на началах межвозрастного взаимодействия детей и взрослых в учёбе, труде, досуге. Такой опыт организации детской жизни в Азовской гимназии нами многократно описан¹⁴.

¹⁰ Байбородова Л.В. Взаимодействие в разновозрастных группах учащихся. Ярославль: Академия развития, 2007. 336 с.

¹¹ Батербиев М.М. Разновозрастное обучение. От идеи до реализации. – Братск: Издательский дом «Братск», 2001. 144 с., Батербиев М.М. Дидактические основы проектирования образовательного учреждения с разновозрастными учебными группами. Автореферат ... канд. пед. наук. М., 2002 – 25 с.

¹² Остапенко А., Миронов В. Разновозрастная организация дополнительного образования // Управление школой. 2007. № 21 (456). С.26-29.

¹³ Слободчиков В.И. Понятие нормы // Школьный психолог. 2010. № 2. С. 7.

¹⁴ Гузенко В.В., Лукьянова В.С., Остапенко А.А. Сохранение и восстановление здоровья учащихся в условиях педагогического лица // Школьные технологии. 2004. № 1. С. 76-84; Гузенко В.В., Лукьянова В.С., Остапенко А.А., Ткач Д.С.

Полагаю, что особая благодатная для взращивания соборных отношений среда – это *временный разновозрастной детский коллектив*. К сожалению, большинство летних детских лагерей эту возможность не используют по причине давней привычки к одновозрастным отрядам.

Есть и другие педагогические механизмы создания отношений даяния и заботы, но, увы, они редко становятся предметом исследований, а современная новомодная воспитательная инноватика сводится к иным идеям и идеалам.

Но это отдельный и большой разговор.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВОЙНА С ДЕТСТВОМ

Извращенное воображение порождает вещи, о которых лучше бы не говорить. <...> я отмечу только одну черту – мистическую ненависть к самой идее детства. <...> Люди чувствовали, что злые силы особенно опасны детям...

Г.К.Честертон «Вечный человек»

Детство – это не просто возраст или период жизни человека. Детство – это ещё и социокультурное явление. Существует очень тонкая и специфичная *культура детства*, особым образом вписанная в культуру того или иного общества. Культурное обособление детства происходит не сразу: в традиционных народных культурах детство – это часть общей культуры, а ребёнок рассматрива-

Воспитывать... Зачем? Что? Как? Из опыта воспитательной работы Азовского педагогического лица // Воспитательная работа в школе. 2004. № 6. С. 15-22; Гузенко В.В., Лукьянова В.С., Остапенко А.А., Ткач Д.С. Основы воспитательной системы сельского педагогического лица // Сельская школа Кубани: пути преобразований. Выпуск 4. Воспитательные системы сельских экспериментальных школ / Под ред. А.А. Остапенко. Краснодар: Мир Кубани, 2005. С. 27-51.

ется как маленький взрослый. Как у Н.А. Некрасова – «мужичок с ноготок». Кстати, это стихотворение Некрасова умиляет именно потому, что читатель уже знаком с культурой детства. Для традиционного народного сознания здесь нет ничего удивительного или умилительного.

Важнейшим шагом в обособлении детства в особый культурный мир стал евангельский эпизод о детях и Христе: «Пустите детей приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное» (Матф. 19; 13-15). Подчёркнутая Евангелием чистота детства стала первым признаком особости детства по сравнению с миром взрослым. Позже эту идею вслед за христианством подхватывает ислам. В дальнейшем по мере развития религиозного гуманизма и его наследия в лице гуманизма светского к XVIII - XIX вв. произошло складывание особой культуры детства, заимствованной впоследствии и другими культурами. Складывание, которое завершается, по-видимому, лишь в начале XX века совершенно особой советской детской культурной политикой.

Что же представляет собой эта особая культура детства? Её основу составили пять ключевых элементов, пять базовых принципов.

Первый элемент, наиболее древний, имеющий дохристианские корни, – это *детско-родительские отношения*. Как известно, пятая заповедь Моисея гласила: «Почитай отца и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх. 20:12). К таким традиционным отношениям почтения и послушания христианство добавило идею любви. Подчеркнём, именно идею. Чувства, конечно, существовали всегда, но именно христианство (а потом и ислам) *сделало любовь между родителями и детьми культурным принципом*. Таким образом иерархические отношения детей и родителей, основанные на послушании, почтении, заботе и любви, стали первым камнем в фундаменте особого мира детства.

Второй ключевой элемент – это та самая, постулируемая Евангелием *чистота детства*. Чистота, требующая особой защиты от грязи и страха. Целомудренность, ограждение Детства от грязи. Грязи разной – порока, разврата, смерти, насилия как фундаментальных источников хаоса и страданий в человеческой жизни.

Третий элемент – специально создаваемый взрослыми *детский нарратив* (сказки рассказы для детей), выраженный различными языками (литература, мультики, фильмы, театр). Это, как ни странно, достаточно позднее изобретение христианской культуры (первоначально). Сказки существовали с незапамятных времен, но они были ориентированы не только и не столько на детей, сколько на взрослых. Традиционные сказки без литературной обработки способны подчас шокировать не то что ребёнка, но и современного взрослого, привыкшего к сказкам литературным. Специальный детский нарратив начинается именно с литературных сказок: великих произведений братьев Гримм, Ш. Перро, особенно (!) Г.Х. Андерсена, положившего видимо начало совершенно потрясающей скандинавской сказочной традиции (С. Топелиуса, А. Линдгрена, Ю. Ли, Т. Янссон и др.). Начиная с Н.М. Карамзина, Антония Погорельского и (особенно!) А.С. Пушкина возникает удивительная традиция русской литературной сказки, продолженной Л.Н.Толстым, Н.С. Лесковым, В.Г. Короленко, А.Н. Толстым и др. Особое звучание эта традиция получает в советскую эпоху – сказки Е.Л. Шварца и сказы П.П. Бажова, появление детского сказочного кино, театра (который существовал и ранее, но в совсем других, неизмеримо меньших масштабах) и телевидения. Сказка, как мы уже писали, несёт в себе не столько развлечение, сколько вполне серьёзную встречу с трансцендентным, с иным, высшим измерением

бытия, с Тайной, Добром, Чудом¹⁵. Детская сказка всегда целомудренна и чиста и призвана эту чистоту и целомудрие воспитывать.

Другая основная форма детского нарратива (для более старшего возраста) – это приключенческие истории для детей – источник героики и простых и мудрых ценностей: доблести, чести, смелости, верности и т.п. Именно об этой литературе писал Г.К. Честертон в знаменитом эссе «В защиту простого чтения». О ней же пел В. Высоцкий: «значит верные книжки ты в детстве читал».

Наконец третья основная форма детского нарратива – это ставший популярным в XIX-XX веке жанр ироничной, философской и драматической репрезентации детской повседневности: рассказы и повести о жизни сверстников: начиная с «детства Тёмы», о «Чука и Гека», «Тимура и его команды» до «Приключений Петрова и Васечкина».

Четвёртый важнейший элемент, конституирующий мир детства (тоже уходящий корнями в глубочайшую древность) – это *мир детской игры*. Игра – это очень серьёзная вещь, важнейшая деятельность ребёнка. Именно в игре мальчишки и девчонки осваивают будущие социальные и культурные роли: мужчин и женщин, матерей и отцов, защитников и хозяек. Игра для ребёнка – это один из главных способов освоить мир, научиться взаимодействовать с ним. Игра – это и развитие воображения (игры, в которых дети сами придумывают сюжеты и правила), и развитие физическое (подвижные игры), и возможность необыденных переживаний (игры «в войну», «в пиратов» и т.п.), и развитие собственно социальное («дочки-матери», «гости», «дом»), и многое другое, что помогает ребёнку стать взрослым. Игнорировать игру нельзя, из

¹⁵ См. подробнее: Хагуров Т.А. Куда уходит Сказка?// Воспитательная работа в школе. 2011. № 2. С. 101-104.

неиграющих детей почти всегда получают неполноценные взрослые.

Наконец, **пятый** фундаментальный элемент мира детства – это *детская игрушка*. Игрушка не менее важна чем игра, но при этом роль игрушки не сводится только к игре. Однако, прежде всего, с игрушками дети именно играют, поэтому во многом именно игрушки задают содержание и направленность детских игр. Помимо этого игрушка для ребёнка – наряду со сказкой важнейшая форма репрезентации повседневности, познания окружающего мира. Традиционные игрушки изображали животных (милых и симпатичных) и людей (куклы, солдатики), предметы быта, труда и войны. Играя с ними, дети их естественным образом одушевляли и учились любить. Осваивали социальные роли и навыки: готовить, баюкать младенца, воевать. Знакомились с техникой (разнообразные машинки, паровозы, кораблики и т.п.) и бытом (посуда, кровати, домики, инструменты т.д.). Все игрушки перечислить, наверное, невозможно – мир детской игрушки также разнообразен, как мир вокруг нас.

Таково беглое и поверхностное описание основных элементов культурного мира детства: *отношения с родителями, детское целомудрие и чистота, детские сказки и повести, игры и игрушки*.

Всё сказанное достаточно банально и хорошо известно. Зачем мы об этом говорим и причём здесь молодёжный экстремизм? А дело в том, что сегодня практически на наших глазах разворачивается чуть ли не первая в истории *культурная война с Детством*, война, являющаяся, наверное, главным звеном глобального вызова дегуманизации. Ранее мы уже касались¹⁶ вопроса о противостоянии фашизма (антигуманизма) и гуманизма в их

¹⁶ Хагуров Т.А. Неофашизм vs неогуманизм как континуум девиантологических проблем XXI века // Вестник практической психологии образования. 2015. № 1(42). С. 109-116.

исторических и современных формах. В плоскости культурной процессы дегуманизации мы связывали с *постмодернизацией* массового искусства и шоу-бизнеса, которые всё настойчивей продвигают «опыты» и примеры эстетизации порока и откровенной патологии (Кончита Вурст – лишь малая капля в этом море) и вообще эксплуатации античеловеческих сюжетов, тем и персонажей (монстры, вампиры, зомби, безумные роботы и т.п.). Относительно постмодернизма и его влияния на культуру и человека написано достаточно много¹⁷.

Однако в последние несколько лет активно проявляет себя некая *зловещая новизна*, связанная с *аккумуляцией, синергией* процессов, казавшихся ранее никак не связанными друг с другом. Внимательный анализ ряда тенденций, проявляющихся в Европе и агрессивно переползающих к нам, позволяет говорить о том, что развязана именно *война с Детством* как таковым. Война, которая, приведёт к тотальному расчеловечиванию в случае, если она завершится победой. Одно из главных последствий этой войны уже сейчас – это *экстремизация и некрофилизация сознания молодёжи*.

В чем же суть этой Войны? Суть в том, что все перечисленные выше базовые элементы культуры детства подвергаются целенаправленному политико-культурному воздействию, которое не просто отменяет эти элементы, но в буквальном смысле *выворачивает их наизнанку*.

Коротко рассмотрим эти процессы. Начнём с первого выделенного нами принципа – *детско-родительских отношений*. Отношения эти в Европе в течении достаточно долгого времени подвергаются систематической деструкции, прежде всего, через широкое внедрение так на-

¹⁷ Одно из самых глубоких и интересных исследований: *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.

зываемой ювенальной юстиции. Относительно последней также много написано, поэтому проясним лишь самое главное. Главное в ювенальных практиках – целенаправленное разрушение нормальной социальной и эмоциональной архитектуры детско-родительских отношений и замена её на нечто прямо противоположное. Во-первых, ювенальные практики приводят к отмене нормальной иерархии ребёнок-родитель, где родитель, как более опытный и мудрый обладает большими правами, чем ребёнок. А ребёнок, начиная с определённого возраста, имеет больше обязанностей, чем прав. Отношения родителей к детям в нормальной семье могут быть выражены понятием Забота. Отношение детей к родителям – понятием Послушание. И то и другое должно основываться на Любви. Такова нормальная культурная модель, которая, к сожалению, далеко не всегда воплощалась в реальности, но всё же задавала некий общий вектор в семейной культуре.

В современной ювенальной политике всё переворачивается с ног на голову: там говорится об *обязанностях родителей и правах детей*. Понятие «забота» незаметно меняется. Если раньше имелась в виду не только и не столько забота о содержании ребёнка, сколько забота о его воспитании. Воспитание же практически невозможно без наказания, которое наряду с лаской и уговорами есть нормальное средство формирования поведения ребёнка в соответствии с культурными нормами. Сегодня под заботой понимается почти исключительно забота о содержании ребёнка и удовлетворении его разнообразных прихотей. Отказ в удовлетворении последних может стать поводом для вмешательства ювенальных служб. Наказание же как нормальная педагогическая практика фактически отрицается, любое наказание (не обязательно физическое, но и, например, отказ удовлетворять ка-

кие-то требования ребёнка) опять-таки может привлечь внимание чиновников по делам семьи.

Принцип любви разрушается через широкое внедрение в массовое сознание (молодёжи, прежде всего) подозрения и презумпции виновности родителей. Широкое тиражирование случаев домашнего насилия в средствах массовой информации заставляет общественность видеть в каждом родителе потенциального садиста или сексуального маньяка. Массовая реклама телефонов доверия для детей и подростков приводит к тому, что часть подростков начинает шантажировать родителей угрозами позвонить и пожаловаться. Дети тысячами изымаются из семей под надуманными предлогами, типа «недостатка заботы», «ненадлежащих условий содержания» или «насилия». Подобные формулировки предельно субъективны и полностью зависят от мнения конкретного чиновника. При этом нередки случаи грубых ошибок, в том числе приводящих к массовым трагедиям, часть которых периодически попадают в прессу¹⁸, что, заметим, не меняет ситуацию в целом.

Ещё одной формой разрушения детско-родительских отношений становится новая культура усыновления детей, получившая распространение в Европе и США и органично дополняющая ювенальные практики надзора за семьей и изъятия детей. Принципы традиционной культуры усыновления – *анонимность* (когда это возможно) и *бескорыстность* (не ради выгоды, а из милосердия, любви). Сегодня всё активнее в Европе, США и, к сожалению, уже и в России, продвигается модель платного усыновления и опекунов, а также принцип публичности усыновления. Другими словами, усыновленные дети знают, что они не родные и что их приём-

¹⁸См. напр.: Сумленный С. Ювенальная юстиция в Германии // Спасём семью – Спасём Россию! (электронный ресурс) URL: <http://juvenalka2010.narod.ru/index/0-56>. Дата доступа: 19.12.2015.

ным родителям за них платят. Почти стопроцентный способ убить любовь, на месте которой остаются обида, подозрение и выгода. Разумеется, возможны исключения. Но именно как исключения.

Второй аспект войны с детством связан с *выворачиванием наизнанку принципа целомудрия детства*. Традиционное ограждение Детства от грязи порока и насилия уступает место своей противоположности. Прежде всего, следует упомянуть так называемый «секс-просвет». Согласно Европейской конвенции о правах ребёнка *обязательное* сексуальное просвещение начинается с 6 лет. Программы сексуального просвещения введены во всех странах Евросоюза и во многих штатах США. Содержание *очень многих* из этих программ далеко от понятия «просвещение», но гораздо ближе к понятию «развращение». Содержащаяся в них информация (в том числе наглядная) провоцирует ранее нездоровое любопытство у детей к сфере сексуальных отношений, что неизбежно вызывает задержки и деформации психического и социального развития ребёнка. Но этим дело не ограничивается. Важнейший компонент большинства программ сексуального просвещения – нормализация в детском и подростковом сознании различных видов извращенного секса. Прежде всего, того, что охватывается аббревиатурой ЛГБТ (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры).

Малышам рассказывают сказки о двух принцах (или двух принцессах), полюбивших друг друга. В публичном информационном пространстве, доступном детям и подросткам, широко представлены геи и лесбиянки, многие из которых известные и уважаемые люди – политики, звезды шоу-бизнеса.

Первые программы сексуального просвещения были внедрены в Швеции в 1955 году. В 1970-80-е годы примеру Швеции последовали многие иные страны Западной Европы. Возраст начала полового просвещения в Европе

варьирует от 5 лет в Португалии до 14 лет – в Испании, Италии и на Кипре¹⁹. Начиная с работ известного сексолога И.С. Кона, в России также хватает сторонников такого «просвещения», которое пока, слава Богу, не стало обязательным. Разумеется нужно знакомить подростков со сферой отношений между полами, им необходим определенный объём медицинской и психологической информации, но объём, содержание и возраст готовности к этой информации должны определяться очень осторожно и деликатно²⁰.

Наконец, апофеозом этого безумия стала волна легализации однополых браков, прокатившаяся по Европе и США в последние годы. Разрешение отдавать детей в семьи открытых извращенцев* неизбежно приводит к окончательному разрушению тех остатков целомудрия, которые не добил секс-просвет. Добавим к этому ползучую сексуализацию детской культуры в целом: девочки-модели, рекламирующие детскую одежду в сексуальных позах, сальные намёки и шутки в детских мультфильмах и фильмах, игрушки типа куклы Барби и т.п.

С другой стороны, детское целомудрие атакуется волной насилия и откровенной некрофилии. Мультфильмы и комиксы (особенно в жанре аниме) не только принесли в детское сознание разного рода патологических персонажей типа покемонов или людей-X, но и вывело репрезентации насилия для детей на качественно

¹⁹ Сексуальное образование – путь улучшения репродуктивного здоровья // Демоскоп Weekly. 2012. № 535-536. (электронный ресурс) URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0535/reprod05.php>

²⁰ Подробнее об этом см.: Хагуров Т.А. Сделаем порок безопасным? // Народное образование. 2012. № 1. С. 19-21.

*Называть гомосексуализм «извращением» в западной науке стало неприличным. Тех, кто позволяет себе подобное называют «гомофобами» – слово-вирус, придуманное сторонниками сексуальной революции. На самом деле объём медицинских, психологических, социологических данных, свидетельствующих о том, что гомосексуализм это именно извращение – огромен. См. напр.: Колесов Д.В. Нравственность и пол. М.: Дрофа, 2002.

новый реалистичный уровень, что естественно, имело печальные последствия. Но это, как говорится, цветочки. Цветочки достаточно давно обсуждаемой проблемы «теленасилия»²¹. И даже изыски постмодернистской анимемультпликации - это не более чем предельное обострение этого теленасилия. Ягодки же связаны с привлечением детей к практикам *реальной* некрофилии. Приведем два примера.

В середине октября 2015 года ряд российских и международных информагенств, публикует следующую информацию:

«В датском зоопарке Оденсе препарировали на публике льва в научных целях.

В датском зоопарке собрались десятки посетителей, которые пришли посмотреть на вскрытие льва. Зоопарк города Оденсе в Дании заранее разрекламировал натуралистичную акцию. Организаторы препарирования мёртвого хищника уверяют, что это необходимо в учебных целях. Среди зрителей есть дети и подростки, сообщают местные СМИ.

Зоологи считают, что во время публичного вскрытия животного детям покажут львиное сердце, почки и печень хищника, а также объяснят, почему лев считается королём среди зверей. Отмечается, что хищника для вскрытия усыпили несколько месяцев назад, чтобы популяция в зоопарке не стала слишком большой (*Здорового льва убили, вместо того, чтобы передать другому зоопарку – Т.Х., А.О.*) Всё время до акции тело льва хранилось в специальной морозильной камере.

Зооэксперименты уже не в первый раз проходят в Дании. Ранее в зоопарке Копенгагена убили жирафа (*тоже*

²¹См.: Тарасов К.А. От насилия в кино к насилию как в кино // Социс. 1996. № 2. С. 35-41.

здорового – Т.Х., А.О.), которого затем препарировали на глазах у школьников, а его мясо скормили львам»²².

Какие-то особые комментарии здесь не нужны. Детей пригласили понаблюдать за расчленением животного... Ход очень тонкий и лукавый. Во-первых, легко оправдаться «научными целями». Во-вторых, этот некрофильский акт бьёт в самую точку: в европейской культуре образы животных давно и прочно вписаны в культуру детства. Сказки и мультфильмы про животных призваны их одушевить, очеловечить в детском сознании. Такие персонажи, как оленёнок Бэмби, утёнок Дональд, Волк, Медведь, Лиса, Заяц, лев (!) Симба – все они отражают устойчиво проводившуюся столетиями линию гуманизации детского сознания, воспитания в детях любви и милосердия к «братьям меньшим». Зоопарк всегда был местом любви: дети приходили к любимым животным, кормили их, наблюдали, пытались соединить реальные образы животных с мультяшными и сказочными. И всё это разрушается откровенно некрофильским актом расчленения любимца. Напомню, в традиционной культуре детей учили жалеть больных щенков и котят, птичек и т.п. Здесь же учат чему-то противоположному... Имя этой противоположности – *некрофилия* – любовь к смерти. Любые отсылки к «образовательным целям» – заведомое лукавство.

Однако, убийства животных – это опять-таки цветочки... Ягодки же – это международный (опять-таки, «образовательный») проект «Тайны тела. Вселенная внутри». Процитируем афишу:

«Тайны тела. Вселенная внутри» – скандальная и интересная выставка. Почти 200 объектов реальных человеческих тел представлены на выставке. Все они прошли обработку специальной полимерной консервации, где основной

²² Вскрытие мертвого льва собрало толпу зевак в датском зоопарке// <http://ren.tv/novosti/2015-10-15/vskrytie-mertvogo-lva-sobralo-tolpu-zevak-v-datskom-zooparke>.

принцип – замена всех жидкостей в организме силиконом. Это позволяет сохранить ткани и органы в их реальном «живом» виде.

Экспозиция «Тайна тела. Вселенная внутри» была создана

на в 2007 году благодаря сотрудничеству образовательного центра The Universe Within Project, Научного Центра Orlando Science Center и Фонда Анатомических Наук и Технологий в Гонконге.

Выставка состоит из четырех наборов экспонатов, один из которых сейчас представлен в Москве, два других

демонстрируются в разных городах Южной Америки, четвёртый в Орландо во Флориде.

Впервые все смогут увидеть нашу «внутреннюю вселенную», не подвергаясь воздействию токсинов. Полимерный

метод считается совершенно безопасным.

Выставка «Тайна тела. Вселенная внутри» – это путешествие для всей семьи. Каждый получит не только истинный взгляд на внутреннюю работу сложнейшего механизма, но и возможность изучить человеческое тело в целом²³.

Итак, выставка «Тайны тела. Вселенная внутри» рекламируется организаторами, как «образовательный проект для всей семьи». Выставка была создана в США и объехала десятки стран мира, собрав более 30 млн. зрителей. Экспонаты выставки – это специальным образом мумифицированные тела умерших людей с частично или полностью удаленной кожей, мышечными тканями и

²³ <http://www.2do2go.ru/msk/events/11293/tayny-tela-vselennaya-vnutri>.

внутренними органами. Выставка имеет возрастное ограничение «6+» (!!!).

Анализ видеозаписей и фотографий экспонатов выставки (уже прошедшей в России в Москве, Нижнем Новгороде и Краснодаре и привлекшей большое количество посетителей) позволяет заключить, что НИКАКОГО образовательного содержания выставка не несет. Содержание выставки НЕИЗБЕЖНО провоцирует культурно-психологический шок и направлено на слом нормативных барьеров психики и нравственности посетителей. Особый цинизм и явная психопатология организаторов и авторов выставки проявляется в подборе композиций, на которых человеческие трупы с содранной кожей представлены в жанре особой танатологической псевдоэстетики: имитируют половой акт, занятия различными видами спорта, объятия и т.п.

Превращение трупов умерших людей в предмет зрелища и глумления – глубоко античеловечное и грубое нарушение норм ВСЕХ традиционных религий и культур, а также светского уважительного и благоговейного отношения к смерти. Но самое шокирующее в этом случае – это возможность посещения выставки детьми и подростками (на что очевидным образом рассчитывают организаторы), что ОБЯЗАТЕЛЬНО будет иметь тяжелые психопатологические последствия, а именно: провоцирование и стимулирование танатофилических и суицидальных фантазий, нарушения сна, деформацию нормативных барьеров психики, провокацию имитационной жестокости и агрессии и т.п. Это, повторимся, откровенная некрофилия. Что может быть более противоположным идее ограждения Детства от грязи и порока – сказать трудно.

Третий компонент войны с детством – исчезновение Сказки – подробно обсуждался нами в более ранних пуб-

ликациях²⁴. Здесь лишь отметим, что сегодня исчезает не только Сказка, исчезает или выворачивается наизнанку детский нарратив во всех своих формах.

Прежде всего, это происходит в так называемом «готическом фэнтези» – мистических сюжетах об оборотнях, вампирах, троллях, гномах и т.п., создаваемых на основе кельтской (и не только) мифологии. Нужно оговориться, что отнюдь не все сюжеты такого рода плохи и/или патологичны. Создано довольно много качественных по-настоящему сказочных произведений. Это знаменитые сказочные эпопеи Дж.Р. Толкиена («Хоббит» и «Властелин колец»), К.С. Льюиса («Хроники Нарнии»), Дж. Роулинг («Гарри Потер») и целый ряд других. В то же время темы приключений различной *нежити* – вампиров, оборотней и зомби – превращается в отдельную отрасль детско-подростковой литературы и кино. Рекорды побила, наверное, вампирская сага «Сумерки» – история любви вампира и обычной девушки. Но вообще, сюжетов такого рода множество и они почти полностью вытеснили другие жанры детского нарратива – приключения, репрезентации повседневности, сказки. Заметим, вся эта «готическая» тематика откровенно пахнет всё той же танатофилией. В большинстве сюжетов просматривается попытка «понять и простить» (гуманизировать) «живых мертвецов», ставших героями популярных произведений. Это неизбежно опять-таки рано или поздно приводит к разрушению табу на некрофилию, провоцирует влечение к смерти, что вполне отчётливо проявляется в так называемых депрессивных подростковых субкультурах эмо и готов (по счастью, не очень прижившихся в нашей стране!), давно и справедливо обвиняемых в провоцировании суицидальных настроений в подростковой среде.

²⁴ См.: Хагуров Т.А. Куда уходит сказка? // Воспитательная работа в школе. 2011. № 2. С. 101-104.

Другой популярный жанр детского нарратива – комедийные фильмы и мультфильмы. В юморе, в принципе нет ничего плохого, но нужно помнить очень важную вещь: детское сознание серьёзно, оно серьёзно относится к игре, сказке, игрушке, герою мультика и т.п. для него это такие же серьёзные вещи, как для взрослых работа и политика. Избыток юмора (особенно такого откровенно дебильного, как во многих западных мультфильмах) воспитывает несерьёзное, игровое отношение ребёнка ко многим важным аспектам жизни, репрезентируемых комедиями.

Из детского нарратива почти совсем исчезли две важные вещи: детская *литература*, вытесненная визуальными медиа, и серьёзные истории о *нормальных героях* (приключения) и *сверстниках* (репрезентации повседневности). Их место почти полностью занято ужасами, готикой и комедиями. Те же немногие произведения, которые претендуют на то, чтобы восполнить этот пробел, часто скатываются либо к блокбастерам-боевикам (типа «Голодных игр»), либо к откровенной депрессии и патологии (типа сериала «Школа»).

Четвёртый аспект войны с детством – это *трансформации игры*. Ещё недавно выражение «дети играют», например, на переменках в школе, означало реальное взаимодействие детей между собой в подвижных либо настольных играх типа «морского боя» или «крестиков-ноликов». Любой, кто заглянет в современную школу на перемене, увидит, что ничего подобного сегодня нет. Дети играют в телефонах и планшетах. То же самое происходит после школы. Игры, как и общение с друзьями, превратились в приложение к гаджетам – смартфонам и планшетах. Игра, которая всегда требовала воображения, умения взаимодействовать, активности – всего того, что развивает ребёнка, эта игра почти полностью в прошлом. Играя с компьютерами и телефонами, дети следуют за

разработчиками электронных приложений, утрачивают воображение и автономность, вовлекаются в иногда откровенно патологические игровые практики. Действительно, огромный рынок компьютерных игр, исчисляемый миллиардами долларов, заставляет разработчиков буквально «взламывать» детскую и подростковую психику, «подсаживая» пользователей на всё более изощренные игры. Значительную часть из них составляют так называемые «стрелялки», очень реалистично имитирующие различные сцены убийства и насилия. Но дело отнюдь не в «стрелялках» как таковых. Дело в утрате воображения и самостоятельности и приобретении зависимости от внешних информационных раздражителей. Большинство детей, играющих в электронные игрушки, уже к средним классам школы начинают страдать компьютерной зависимостью (в её разнообразных формах – от игр до социальных сетей) и гаджет-зависимостью (зависимости от технических новинок).

Эта утрата воображения и самостоятельности потом обязательно скажется (и сказывается) во взрослой жизни. Мы уже получаем поколение, многие представители которого не в состоянии нормально освоить базовые социальные роли: мужчины и женщины, мужа и жены, работника и т.п. Корни этого – в детстве, лишённом полноценной игры, а значит и полноценного опыта жизни и радости.

Наконец, последний описываемый нами аспект войны с детством – *трансформация игрушки*. Эта тема не новая, по ней существуют достаточно глубокие исследования²⁵, поэтому скажем лишь самое главное.

В своё время много нареканий педагогов и психологов вызвала кукла Барби. Справедливо указывали, что Барби – это не классическая кукла. Она не создана для

²⁵Абраменкова В.В. Во что играют наши дети? Игрушка и Антиигрушка. М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006.

игры в «дочки-матери» и других подобных игр, формирующих ценности и опыт материнства. С Барби можно играть в шоппинг, в «тусовки» и другие потребительские практики. Однако Барби – это опять-таки цветочки. Она ведь ещё вполне человеческий персонаж. Настоящая беда

– это те самые «ягодки», которые связаны с массовым вторжением в пространство игрушки персонажей пост- или античеловеческих. После Барби появились куклы Братц и Монстер Хай. Те, кто их видел, подтвердят, что они похожи скорее на инопланетян, чем на нормальных людей (непропорционально большая голова и маленькое тело). Другой пример: мальчикам стало почти невозможно купить нормальных солдатиков: рыцарей, ковбоев, индейцев, пиратов и т.п. Зато вы легко купите солдат-скелетов, солдат-монстров и прочую мерзость.

Но и это не самое плохое. Сейчас получают распространение куклы-вампиры, которые спят в кроватках-гробиках, чтобы подзарядиться. Вот это уже серьезно, это уже прямая

(снова!) некрофилия. Сопряжение темы детской игрушки и смерти – это ноу-хау современных дегуманизаторов. Куклы-мертвецы, спящие в гробиках... Ещё несколько лет назад подобное могло показаться плохой фантастикой. Но дело заходит ещё дальше. Следом в детской культуре идёт слом табу не только на смерть как таковую, но и на...

каннибализм. Почти в любом продовольственном магазине можно увидеть мармеладные игрушки в виде глаз и других органов тела. Продаются даже наборы из мармелада под названием «завтрак людоеда». «Да это просто шутка!» – скажет обыватель. Да – шутка. Но очень плохая и злая шутка. Детское сознание, повторим, серьёзно. Оно не знает разницы между игрой и реальность. А сознание, воспитанное на таких игрушках, завтра вполне может зайти дальше, чем «Тайны тела». Почему, если находятся люди, завещающие свои тела для подобных выставок, не могут найтись те, кто завещает себя съесть после смерти? И что помешает это завещание выполнить?

В общем, наш небольшой и по определению поверхностный обзор некоторых зловещих тенденций, протекающих сегодня в мире детства, позволяет, на наш взгляд, говорить именно о войне с детством как культурным принципом. Войне, интегрирующей в себя многие пакости, которые традиционно воспринимались как отдельные «заскоки» постмодернисткой культуры. Войне, которая касается всех нас, ибо в ней наши дети рискуют пропасть так же, как и в войне обычной. Войне, которую наш долг выиграть у дегуманизаторов, иначе завтра наш мир перестанет быть человеческим. У нас ещё есть шанс...

Возможны возражения в стиле: «Вы преувеличиваете, не всё так плохо, и на Западе, и у нас много нормальных семей и детей. Сам видел». Разумеется, нормальных семей и детей пока ещё много. Но их становится всё

меньше. Тенденции, о которых было сказано, пока не захватили *всего* культурного пространства, но они к этому стремятся. И если мы им не помешаем, то у них это получится...

*Практические задания
(все педагогические ситуации
взяты из реальной воспитательной практики)*

Задание 1. Шестиклассница Елизавета Н. время от времени пропускает занятия в школе. При этом упрекнуть ученицу в безответственности или разгильдяйстве нельзя. Она старательна и ответственна. По телефону мама Елизаветы Н. на вопрос классного руководителя «Почему Лизы нет в школе?» раздражённо ответила: «А с младшими кто сидеть будет?». Какой вариант расстройства детско-взрослой общности здесь проявляется? Как правильно поступить классному руководителю в этой регулярно повторяющейся ситуации?

Задание 2. Школьный психолог в беседе с семиклассником Сергеем К., отличающимся замкнутостью и унылостью, выясняет, что причина подавленного настроения школьника состоит в том, что между родителями возникают постоянные разногласия и открытые перебранки по вопросу методов воспитания сына. При этом выясняется, что требования родителей к сыну зачастую взаимно исключают друг друга и приводят к лжи и неискренности подростка. Какой вариант расстройства детско-взрослой общности здесь проявляется? Какую тактику работы с семьёй целесообразно выбрать психологу?

Задание 3. Учительница музыки после урока во втором классе просит классного руководителя этого класса разобраться с инцидентом, произошедшем на уроке. Второклассница Света П. отказалась учить государственный гимн России, аргументируя это тем, что это идолопоклонство и её вера ей это запрещает. Какие педагогически целесообразные действия должен осуществить классный руководитель?

Задание 4. Девятиклассница Наташа П. постоянно открыто и подчёркнуто заявляет о своей принадлежности к секте Свидетелей Иеговы и пытается распространять в школе журнал этой организации «Сторожевая Башня». У одноклассников складывается враждебное отношение к девочке. В диалоге с классным руководителем она заявила: «Мне их и Вас жалко! Вы ведь всё равно не спасётесь!» Как, по Вашему мнению, классному руководителю правильно выстраивать отношения одноклассников с этой ученицей?

Учебное издание

Темыр Айтчевич Хагуров
Андрей Александрович Остапенко

РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ И УГРОЗЫ ДЕТСТВУ

Лекции по системной и со-Образной педагогике
Выпуск 13

Макет и дизайн обложки А.А. Остапенко

НИИ школьных технологий
<http://narodnoe.org>
109341, г. Москва, ул. Люблинская, д. 157, к. 2
Тел. +7 (495) 345-52-00

Подписано в печать 16.03.2017
Формат: 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура «Cambria»
Усл. печ. л. 2,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика